

ПЛИСКИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ ИЗ ХАРБИНА

В статье рассматриваются судьбы переводчиков из числа русских эмигрантов, прибывших во второй половине 1940-х годов в Советский Союз из г. Харбина (КНР) для работы с японскими военнопленными. Показаны их работа на различных спецобъектах, участие в Токийском (1946–1948) и Хабаровском (1949) судебных процессах, а также дальнейшая их судьба. При подготовке статьи использованы документы из Государственного архива Хабаровского края, записи из личного архива Г. Г. Пермякова, а также материалы, полученные автором от харбинца С. Н. Кунцевича и от родственников харбинских переводчиков: дочери Г. Г. Пермякова — А. Г. Сумской, дочери Ю. М. Кондрашева — Л. Ю. Фёдоровой, сына Н. П. Вторушина — В. Н. Вторушина.

Ключевые слова: Харбин, университет, переводчики, трибуналы в Токио и Хабаровске, спецобъект 45, Хабаровск, архив Пермякова.

Keywords: Harbin, university, translators, tribunals in Tokyo and Khabarovsk, special object 45, Khabarovsk, Permyakov's archive.

В статье журналиста О. Бобина «Осколок Российской империи» есть замечательные слова о переводчиках, которые прибыли в СССР из г. Харбина: «Всё реже встретишь уникальных переводчиков с китайского, что были выходцами из этого города. Язык они познавали с детства на улицах, как бы между делом. Благодаря им на всех уровнях долгие годы обеспечивались контакты с нашим соседом Китаем во время встреч делегаций различных уровней, и всегда обе стороны предпочитали общение через “харбинцев”» [1, с. 36].

Вид на Китайскую улицу в г. Харбине, начало 1920-х годов.

В 1945 году на Дальнем Востоке прозвучали победные залпы, ознаменовавшие окончание Второй мировой войны. В результате проведения Маньчжурской операции в плену оказалось более полумиллиона военнослужащих японской Квантунской армии. 4 сентября 1945 года был отдан приказ Главного командования фронтам и Тихоокеанскому флоту о немедленной отправке военнопленных в тыловые лагеря НКВД на территории СССР [31, с. 25].

6 сентября начальник штаба Главкома советских войск на Дальнем востоке генерал-полковник С. П. Иванов докладывал начальнику генерального штаба Красной Армии А. И. Антонову об отправке военнопленных генералов и офицеров штаба Квантунской армии из Чанчуня в Хабаровск: «Докладываю: 5 сентября 1945 г. в 17 [ч] 00 [мин.] командование и штаб Квантунской армии в составе: командующего Квантунской армией генерала Ямада, начальника штаба генерал-лейтенанта Хата, начальника разведотдела полковника Асада, представителя Генштаба подполковника Асаеда, офицера штаба подполковника Седзима и других на четырех самолетах вылетели в Харбин, где сделали посадку в 18 [ч] 00 [мин.] 5 сентября 1945 г. Всего летит 46 человек, из них: генералов — 13, полковников — 3, подполковников — 2, майоров — 3, остальных офицеров — 3, денщиков — 21, переводчик — 1. Утром 6 сентября 1945 года вылетают в Хабаровск» [44, с. 21].

Большое количество военнопленных потребовало квалифицированных переводчиков японского языка. В СССР

таких специалистов готовили в Московском институте востоковедения и в Ленинградском институте философии, литературы и искусства. Однако проведенная в конце 1930-х годов кампания по борьбе с «японскими шпионами» значительно сократила их ряды. Журналист Светлана Позднева в своей статье «Иногда Хабаровск становится частью Японии» уточнила: «Конечно, в Союзе имелись знатоки языка. Как правило, осевшие в России сами японцы или корейцы. Да ещё воспитанники армейских курсов — военные переводчики. Но обслужить всех пленных они были не в состоянии.

Поэтому осенью 1945 г. из Хабаровска в Харбин отправились два «купца» — представители краевого УВД (НКВД) Пётр Язев и Павел Никитин. Дуэтом выступили в русскоязычной передаче на радио, перед эмигрантской молодёжью в учебных заведениях. Играли на патриотических чувствах. Обещали общежитие и паёк. То, что последнее — спасение от голода, русские харбинцы узнают, лишь вернувшись на родину.

Для чего именно были нужны японисты, не разъяснялось. В общей сложности в Харбине набрали более 100 добровольцев. Группами по 20–30 человек в последующие полгода они перебирались сначала в Хабаровск, а после разъезжались по всему Дальнему Востоку и Сибири» [40, с. 2].

Первая партия переводчиков из 30 человек прибыла в г. Хабаровск 2 ноября 1945 года. Они были приписаны к Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ)¹. Ещё четыре переводчика прибыли в декабре. Но этого было недостаточно. Следующая партия из 102 переводчиков была привезена весной 1946 года. Все они были пропорционально распределены между подведомственными лагерями, без ближайшей перспективы их пополнения [21].

Уровень знания японского языка у всех переводчиков был разный. Наиболее подготовленные и в совершенстве знающие язык направлялись для работы в лагеря, где содержались высшие чины Квантунской армии. К такому лагерю относился спецобъект № 45².

1 Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) было создано при НКВД СССР в 1939 г. (приказ № 0308 «Об организации лагерей для военнопленных» от 19 сентября 1939 г.). 20 апреля 1953 г. оно было ликвидировано, а его функции переданы Тюремному управлению МВД СССР. 13 декабря 1956 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии осуждённых в СССР японских граждан. Последняя группа японских военнопленных в количестве 1 025 человек была передана японским властям 23 декабря 1956 г. в порту Находка [30].

2 Спецобъект № 45 — один из лагерей системы ГУПВИ МВД СССР, где содержались высшие чины японской Квантунской армии, а также бывший император Маньчжоу-Го — Айсёнгеро Пу И. На начало 1946 г. ГУПВИ МВД СССР имело в своей структуре 267 лагерей для военнопленных (11 офицерских, 199 — для военнопленных западных армий, 49 — для военнопленных японской армии, 8 смешанных) и 6 спецобъектов, в которых содержались высокопоставленные генералы и офицеры противника, представлявшие оперативный или политический интерес.

ИСТОРИОПИСАНИЕ

В архиве одного из переводчиков японского языка, Георгия Пермякова, с декабря 1945 по август 1950 года работавшего старшим переводчиком на спецобъекте № 45, сохранились фамилии и частично имена переводчиков из г. Харбина, прибывших в Хабаровск: А. К. Анцов, В. В. Болховитинов, Г. И. Божко, В. Балакирев, Н. П. Вторушин, В. В. Вторушина, Верешников, Т. Гавриленко, Гальперин, Горохов, Г. Державин, К. И. Жук, В. Зырянов, Л. Иванова, О. П. Иогансон, А. П. Катков, Н. И. Касьян, Т. Кукс, В. М. Ким, Б. Н. Корнилов, Ю. М. Кондрашев, Г. Г. Ламанов, С. Маштак, Л. Маршир, С. В. Неверов, Р. И. Омельчук, Б. К. Огородников, Овчаренко, М. Я. Пахомов, Л. Н. Пахомова, П. П. Пляченко, А. Н. Протасов, Г. Раздобрев, А. Сакунов, Р. А. Северюков, В. Стариков, Ф. Сторожков, Т. С. Торov, В. В. Трусов, С. А. Утенков, Фружевский, Г. Г. Штек, Шушаков, В. Г. Щебенков, Е. В. Цвилов, Д. Ягунов.

Известно, что в подготовке и проведении Хабаровского процесса, помимо переводчиков, прибывших из Москвы, приняли участие следующие переводчики «харбинцы»: Е. В. Цвилов, В. В. Болховитинов, А. Н. Протасов, П. П. Пляченко, Г. Г. Ламанов, М. Я. Пахомов, Б. Н. Корнилов, Г. Г. Елгин, Ф. Н. Сторожков, Б. К. Огородников, В. М. Ким, Г. Г. Пермяков [33]. Переводчики Г. Г. Пермяков и С. В. Неверов принимали участие в судебном процессе Международного военного трибунала для Дальнего Востока, проходившего в Токио с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 года.

Большинство из прибывших в Хабаровск переводчиков-японистов были высокообразованные молодые люди — выпускники Северо-Маньчжурского университета (СМУ) г. Харбина [27, с. 21–23]. Многие из них владели несколькими иностранными языками.

Стоит сказать несколько слов об этом учебном заведении [24, с. 3].

В 1938 году коммерческий факультет Харбинского политехнического института слился с институтом святого Владимира. Так образовался СМУ, который разместился в Украинском доме в Новом городе. Возглавил вуз профессор Симидзу [4, с. 34].

Кроме получения высшего образования студентами, университет заботился о высоком престиже заведения. Правила поведения учащихся гласили: «Студент, как в стенах университета, так и вне его стен, должен быть безукоризненным во всех отношениях, дабы поддерживать высокое звание студента и престиж университета. Поведение студентов определяется отметками за каждый семестр. Независимо от академических устоев, позволя-

В некоторых публикациях спецобъект № 45 называют «спецобъектом 2045», с прямым подчинением Москве и Сталину, но в официальных документах это не подтверждается, он упоминается только как «спецобъект № 45».

Здание Харбинского политехнического института, в котором располагался Северо-Маньчжурский университет, 1926 год.

ющих студенту переходить на следующий курс, только тот студент может быть переведён на следующий курс, если отметка за поведение будет не ниже 75 баллов» [27, с. 51].

Система зачётов и экзаменов предполагала десять вопросов, каждый из которых обеспечивал студенту десять баллов. Максимальная оценка — сто баллов [26, с. 81].

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИН					ГОДОВЫЕ ОТМЕТКИ			
КОММЕРЧЕСКОГО Факультета С.-М. Университета					за 1-й курс 1943 год.			
№ п/п	Дисциплины	Всего час. по курсу			№ п/п	Наименование предметов	Отметки	Примечание
		1 к.	2 к.	3 к.				
1.	Гражданская мораль . . .	1	1	1	1.	Гражданская мораль . . .	78	
2.	Военная подготовка . . .	3	3	3	2.	Ниппонский язык: Чтение № 1	84	
3.	Противоход, оборона . . .	1	—	—		Чтение № 2	84	
4.	Этика или Логика	2	—	—		Разговор № 1	83	
5.	Ниппонский язык	17	17	16		Разговор № 2	73	
6.	Маньчжурский язык	2	2	2		Сочинение	78	
7.	Маньчжуроведение	—	2	—		Грамматика	75	
8.	Японоведение	3	—	—		Перевод с ниппонск.	68	
9.	Советоведение	—	—	3		Каллиграфия	68	
10.	Состояние Новой Великой Восточ. Азии	3	—	—		3. Маньчжурский язык	83	
11.	Энциклопедия права	2	—	—		4. История Китая	63	
12.	Основные Законы Маньчжу-Дито и Граждан. право Маньчжу-Дито	—	4	—		5. Энциклопедия права	60	
13.	Торг. право Маньчжу-Дито	—	—	2		6. Политическая экономия	80	
14.	Политическая экономия	3	—	—		7. Коммерч. счетоводство	80	
15.	Истор. экономич. учений	—	2	—		8. Коммерч. корреспонденц.	75	
16.	Финансовое право	—	—	2		9. Коммерческ. арифметика	85	
17.	Статистика	—	—	2		10. Этика	80	
18.	Экономическая географ. Учение о торговле	2	—	—				
20.	Коммерческие дисципл.	—	2	—				
21.	Товароведение	—	1	2				
22.	Комм. арифм. и корресп.	1	—	—				
23.	Бухгалтерия (на рус. яз.)	2	2	2				
24.	Бухгалтерия (на нипп. яз.)	—	2	2				
25.	Управление на ниппонских счетах	—	2	2				
	Итого	40	40	40				

Зачётная книжка студента Кондрашева.

Существовал ещё и Государственный университет Кенкоку Дайгаку (Университет государственного строительства) в г. Синьцзине (ныне Чанчунь), «наивысочайшее учебное заведение Маньчжурской империи», который тоже называли Северо-Маньчжурским университетом [2, с. 122]. Он готовил и выпускал в течение восьми лет ниппон-драгоманов (переводчиков японского языка) и государственных чиновников высшего разряда для государства Маньчжоу-Го.

К 1940-м годам государство Маньчжоу-Го было разделено на 19 провинций, в которые направлялись выпускники этого учебного заведения [28, с. 5]. Как отметил один из студентов первого выпуска университета Кенкоку Дайгаку В. В. Чеусов, «в основу политики нового государства Маньчжоу-Го был заложен принцип равноправия, сотрудничества и гармоничного развития всех народностей, населявших страну, и потому в главный университет страны, в котором почётным ректором был премьер-министр, а на торжественном открытии присутствовал сам Его Величество Император, принимались представители всех народов. Китайцы, монголы, японцы, корейцы и русские жили, учились, питались, одевались, занимались спортом и разными видами физического и духовного совершенствования, вплоть до полетов на планерах и работы в поле, чтобы стать в будущем руководителями в молодом государстве, чтобы дружбу, возникшую в стенах университета, развивать среди народов страны» [50, с. 5].

Вся шестилетняя программа образования шла на японском языке, поэтому из стен университета Кенкоку Дайгаку вышли наиболее квалифицированные переводчики японского языка, которые в дальнейшем прибыли в Советский Союз.

Ежегодно в этом вузе из ста вакансий для русской эмигрантской молодёжи предоставлялось пять мест. В первом наборе 1938 года в университет поступили будущие переводчики В. Чеусов, С. Серёдкин, Р. Северюков, С. Маштаков, Е. Цвилов. В 1939 году были зачислены А. Аболмасов, Н. Вторушин, В. Петров, Б. Корнилов, В. Щебеньков [3, с. 3].

Государственный университет Кенкоку Дайгаку просуществовал восемь лет. За это время его успел окончить 31 русский студент [50, с. 5]. Среди них были известные переводчики, позже принявшие непосредственное участие в Токийском и Хабаровском военных процессах... Судьба каждого после прибытия в Советский Союз сложились по-разному. Более пятидесяти лет посвятил преподаванию японского и китайского языков в Хабаровске востоковед и переводчик Г. Г. Пермяков. Стали специалистами по японскому языку С. В. Неверов, Е. В. Цвилов, Л. А. Стрижак, Б. К. Огородников, В. М. Ким, которые работали в Москве. По китайскому языку — И. В. Кирсанова, С. И. Елисафенко... В ТАСС, на Московском радио и телевидении работали Р. Н. Андреев, И. Л. Ефимов, Б. К. Огородников, В. М. Ким,

Б. Т. Плотников, Л. Пенжукова, В. В. Соболевская и другие [45, с. 96].

Не все смогли приехать в Советский Союз так, как мечтали. Так, преподавателю японского языка университета Кенкоку Дайгаку С. А. Середкину, которому с началом войны между Японией и СССР удалось вывезти из Синьцзиня в Харбин всех тогдашних русских студентов, что было непростым делом, и даже доставить их по домашним адресам в Харбине [36, с. 2]. Драматически сложилась и судьба его сокурсника по университету В. Чеусова. С приходом Красной Армии в Харбин они оба непродолжительное время работали переводчиками в одном из её подразделений. Однако вскоре без суда и следствия были арестованы СМЕРШ³, вывезены в СССР и на долгие годы попали в лагерь ГУЛага...

К сожалению, сведения о переводчиках, представленные в настоящей статье, имеют неполный характер. Это связано с тем, что эти люди по роду своей деятельности входили в состав тогдашних силовых ведомств — НКВД, а в дальнейшем МВД СССР. Поэтому их личные дела и сведения, относящиеся к их профессиональной деятельности, до сих пор остаются недоступными для широкого круга исследователей. Наиболее полно в статье представлена информация, относящаяся к их харбинскому периоду жизни, до 1945 года. Эти данные находятся в фондах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), в личных делах, собранных Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ)⁴. Стилистика и орфография первоисточников сохранены. Сведения, касающиеся дальнейшего пребывания харбинских переводчиков в СССР, собраны автором из материалов, которые находятся в открытом доступе. К ним относятся газетные статьи, публикации в журналах, книги и письма переводчиков. К сожалению, о жизни переводчиков из Харбина, особенно тех, кто принимал участие в Токийском и Хабаровском процессах, мы чаще узнаём из некрологов, чем из официальных документов. При подготовке статьи использованы записи из личного архива Г. Г. Пермякова, а также материалы, полученные автором от харбинца С. Н. Кунцевича, от родственников переводчиков: дочери Г. Г. Пермякова — А. Г. Сумской, дочери Ю. М. Кондрашева — Л. Ю. Фёдоровой, сына Н. П. Вторушина — В. Н. Вторушина.

³ СМЕРШ (сокращение от «смерть шпионам») — название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

⁴ Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) — белоэмигрантская организация, созданная японской разведкой в 1934 году в оккупированной японскими империалистами Маньчжурии в целях объединения под своим руководством всех без исключения проживающих в Маньчжурии белоэмигрантов и белоэмигрантских антисоветских организаций для борьбы против Советского Союза.

Георгий Георгиевич Пермяков⁵

Г. Г. Пермяков.

Георгий Пермяков родился 26 ноября 1917 года в г. Никольск-Уссурийске (ныне Уссурийск) в семье коммерсанта и фармацевта [14]. Его отец, Георгий Никитич Пермяков (1871–1957 гг.), был выходцем из семьи золотодобытчика, окончил Томский университет, по специальности — химик-фармацевт. Он работал у купца Чурина, но когда

в Харбин пришли японцы, его уволили как советского подданного, и он стал работать у В. О. Кларера — владельца склада аптечных товаров и парфюмерной фабрики «Велка», изготавливал новые сорта духов и мыла [15].

Мать Георгия Пермякова, Прасковья Трофимовна (Трофимова) (1890–1974 гг.), из дворянского рода Хвалынских, из-под г. Сочи Херсонской губернии. После революционных событий в России Георгий Никитич Пермяков срочно выправил визу в правительстве Дальневосточной республики в г. Чите, и в 1921 году семья переехала в китайский город Тяньцзинь.

Своё образование Г. Пермяков начал получать на дому с приходящими учителями по программе гимназии и посещал английскую школу при церкви. В школе изучал английский язык по учебнику Роинс и путём живого общения с детьми постигал китайский.

В 1927 году семья переехала в Харбин, в дом № 6 по улице Гириной, квартира № 2, где Георгий продолжил своё образование в гимназии имени Достоевского до 1934 года.

В 1935 году он блестяще окончил гимназию имени М. А. Оксаковской, занимался в яхт-клубе, борьбой, ходил в школу бокса, играл на скрипке и на рояле.

С 1935 по 1940 год обучался в Институте святого Владимира, на восточном факультете ориентальных и коммерческих наук.

В 1937 году поступил в японскую школу «Момояма» («Персиковая гора») на молодёжный факультет и окончил её к новому 1939 году. Японский язык Г. Пермяков знал с детства, но без письменности, и по настоянию матери стал

учить его. Кроме того, получал частные уроки японского языка у учителя Ямада Томио и на курсах А. С. Троицкого, бывшего консула Японии, автора многих учебников японского языка. Китайский язык изучал в частной китайской школе Дунгуан Сэшу (Свет Востока).

Полученные знания позволили ему в 1937 году открыть свои курсы «Ориента», где он стал давать частные уроки японского и китайского языков. Его курсы окончили более 30 харбинцев — советских ребят. Наиболее сильными учениками были В. Воропинов, Г. Головчинер, Р. Омельчук, В. Кульгавчук, Е. Фёдоров, С. Поляков, А. Огорелков, В. Широколов. С 1939 по 1945 год Г. Г. Пермяков преподавал восточные языки в Генконсульстве СССР, занимался подготовкой кадров переводчиков по разработанной им методике краткосрочного овладения восточными языками.

В мае 1942 года Генконсульство СССР в Харбине посетил назначенный в Японию посол СССР Я. А. Малик и поставил задачу охватить переводом прессу государства Маньчжоу-Го. Через два месяца при Генконсульстве СССР был создан отдел переводов, который расположился по адресу: улица Техническая, 36. Отдел просматривал прессу, переводил её в соответствии с поставленной задачей. Обработанный материал доставлялся в консульство, а далее прямо в советскую столицу. В Москве с 1934 года при Московском институте востоковедения также существовал особый японский сектор, который тоже занимался сбором информации через прессу [49]. В отдел переводов вошли лучшие ученики Г. Г. Пермякова, а сам он возглавил его. Отдел переводов просуществовал до августа 1945 года.

8 августа 1945 года СССР объявил войну Японии. На следующий день Г. Г. Пермяков вместе с другими советскими подданными был арестован и помещён в тюрьму. 15 августа после заявления императора Японии Хирохито о капитуляции он был освобождён.

В это же время из вынужденной эвакуации в Харбин возвращается советское Генконсульство и создаёт Штаб Обороны Харбина (ШОХ) с целью недопущения разграбления города. По воспоминаниям Г. Г. Пермякова, многие из его учеников стали членами ШОХа. Студенты СМУ почти полным составом университета вступили в ШОХ на Казачьей улице. Как знатоков японского языка их посылают на особо важные объекты. Они осуществляли помощь воинским подразделениям Красной Армии в качестве переводчиков. До начала ноября Г. Г. Пермяков принимал активное участие в работе ШОХа в качестве заместителя начальника.

2 ноября 1945 года вместе с первой группой переводчиков Георгий Георгиевич прибыл в г. Хабаровск. С ним приехала его жена — Р. И. Омельчук, переводчик китайского и японского языков. Всех переводчиков разместили в общежитии на улице Знаменщикова, напротив следствен-

⁵ Более подробные биографические данные см.: Дело Пермяков Г. Г. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 36344. Л. 34–43.

ной тюрьмы. Г. Г. Пермяков получил назначение старшим переводчиком на спецобъект № 45 (ул. Сапёрная, 42, ныне ул. Дикопольцева, здесь сейчас находится городская поликлиника № 3), где на тот момент пребывали 170 генералов и адмиралов Квантунской армии, министры маньчжурского правительства, а также семья последнего императора Айсингёро Пу И (при нём Пермяков был переводчиком). Днём переводчики выполняли свои обязанности, а вечерами, в общезитии, подтягивали свои знания по языку и по устройству Маньчжоу-Го. Совместно с Пермяковым на спецобъекте № 45 работали лучшие переводчики страны того времени: Б. Огородников, Е. Цвилов, П. Пляченко, Ю. Штек, В. Щебенков, С. Неверов. Платон Пляченко, имеющий медицинское образование и владеющий китайским и японским языками, постоянно проживал в одной комнате на спецобъекте № 45 с Юрием Штеком, знатоком японского языка...

По воспоминаниям Г. Пермякова, в январе 1946 года Москва поручила начальнику УМВД Хабаровского края генерал-лейтенанту И. И. Долгих создать следственную группу, которая должна была собрать для советского обвинения в Токио разоблачительные материалы. Группу возглавил И. И. Долгих, его заместителем стал полковник Соколов.

Летом 1946 года в Хабаровск из Москвы прибыла следственная группа в составе полковника И. И. Тупикова, полковника М. М. Кудрявцева и полковника И. И. Клыкова. В неё также были включены опытные местные оперативники. Назовём некоторых из них: капитан Никитин, майор Виноградов, подполковник Деревянко, майор Язев, капитан Козловский, полковник Сорокин, старшие лейтенанты Браве и Серов, майор Покровский, капитаны Пастух и Дворецкий. Перед ними была поставлена общая задача — сбор информации о бактериологическом отряде № 731, поиск свидетелей преступлений, выявление диверсантов и военных преступников, а также лиц из числа японских военнопленных, которые могли выступить на Токийском процессе. Следственная группа работала с военнопленными через переводчиков, поэтому на плечи последних легла нагрузка по точному, дословному переводу свидетельских показаний. Основная трудность заключалась в том, что показания были насыщены военными, медицинскими и научными терминами.

В результате работы следственная группа отобрала 30 генералов, 36 старших офицеров и 11 штатских японцев, которые могли дать важные показания для Токийского процесса. Далее список сужается. Наконец, главный обвинитель от СССР на Токийском процессе, Сергей Галунский, дал телеграмму в Москву с просьбой — в качестве свидетелей прислать в Токио военнопленных — подполковника Сэдзима, генерал-майора Мацумура и генерал-лейтенанта Кусаба [42].

В период с 12 по 18 июня Пу И усиленно допрашивали в качестве свидетеля для Токийского военного трибунала. 25 июня протоколы допросов были направлены в Токио.

31 июля Пу И в сопровождении пяти членов НКВД вылетел из Хабаровска во Владивосток, откуда через несколько дней был доставлен на аэродром Ацуги, что в 50 километрах от Токио. В этой группе сопровождения был и Г. Г. Пермяков [32, с. 3].

В августе Георгий Георгиевич в качестве переводчика принимал участие в Токийском трибунале над японскими военными преступниками, где одним из свидетелей был бывший император государства Маньчжоу-Го — Айсингёро Пу И [35, с. 5; 36, с. 6]...

В октябре 1949 года началась подготовка к судебному процессу по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. В нём приняло участие 12 переводчиков из Харбина, Г. Г. Пермяков выступал здесь в качестве главного переводчика [33, с. 235], так как в совершенстве владел японским и китайским языками, как письменными, так и устными.

В августе 1950 года Пермяков попал под сокращение и был уволен из органов МВД СССР. В дальнейшем он увлёкся литературной деятельностью, издал шесть книг. Преподавал в Хабаровском медицинском институте, вёл факультативы в педагогическом институте (ныне — Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета), руководил практикой старшекурсников Дальневосточного государственного университета (ДВГУ, г. Владивосток), направленных в г. Хабаровск. В летнее время и в период зимних каникул по одобренной кафедрой японской филологии ДВГУ усиленной программе занимался японским и китайским языками. Г. Г. Пермяков преподавал студентам иероглифику, грамматику продвинутого курса японского и китайского языков, особенности устной речи, старояпонский и старокитайский языки. Трое из бывших слушателей Г. Г. Пермякова из ДВГУ — В. Н. Незамутдинов, И. В. Леванидов, Н. Я. Губарь (Ковалевская) — стали преподавателями восточного факультета ДВГУ.

Знание языков и опыт переводчика всегда помогали ему чувствовать себя нужным и востребованным. В личном архиве Георгия Георгиевича Пермякова осталось много неопубликованных работ по этнографии, культуре и истории Японии и Китая, записи о выдающихся людях: В. К. Арсеньеве, В. К. Блюхере, С. Г. Лазо.

Наблюдения Пермякова, сделанные им в период работы переводчиком на спецобъекте № 45, легли в основу документальной повести «Император Пу И. Пять лет вместе», которая в 2003 году была опубликована в четвёртом номере альманаха «Рубеж» (г. Владивосток).

Борис Константинович Огородников⁶

Гражданская война (1918–1922) занесла семью Огородниковых в Харбин, в котором 10 февраля 1923 года родился Борис [13]. После рождения сына его отец, Константин Андрианович, уехал в Японию на заработки, где занимался мелкой торговлей. Встав на ноги, он купил маленький домишко в Иокогаме и в 1928 году вызвал жену Лидию Петровну с сыном к себе.

Японский язык для Бориса, по сути, стал родным, ибо говорить на нём начал с младенческих лет. Член Союза журналистов СССР, автор многочисленных публикаций В. В. Иванов-Ардашев в своём очерке «Судьба переводчика» приводит выдержку из письма сына Бориса Огородникова — Олега, где он пишет о своём отце: «Сначала Боренька (так всю жизнь называла отца его мать) окончил какую-то начальную японскую школу, что позволило ему всю свою жизнь удивлять японцев и японоведов “чистотой своего японского говора”. Хотя отец считал свои знания в этой области неудовлетворительными, так как не окончил хотя бы среднюю (японскую) школу» [23, с. 37].

Одиннадцать лет, с 1931 по 1941 год, Борис обучался в американском колледже святого Иосифа. Он стал одним из первых учеников, окончивших это учебное заведение с золотой медалью.

В 1942 году Борис Огородников продолжил изучение японского языка в Иокогаме. На следующий год в целях продолжения обучения он поступил в Ниппонский университет Дзюичи в Токио. Сын русского дворянина, но весьма скромного по достатку, Огородников был вынужден вернуться в Харбин. 21 января 1944 года он поступает на коммерческий факультет СМУ. Родители остались в Японии, родственники разъехались или ушли из жизни. Денег на учёбу не хватало, из Японии они не поступали, а побочных заработков едва хватало прокормиться, поэтому Борису пришлось бросить учёбу. В Харбине он жил по адресу: улица Славянский городок, дом 70, квартира 4.

В декабре 1945 года он прибывает в Хабаровск в составе группы из четырёх переводчиков, среди которых был К. И. Жук и Верешников (имя не установлено). Георгий Пермяков в своих воспоминаниях так описывает Огородникова: «На объекте часто работал русский богатырь Борис Огородников. Высокий, мощный, с центнер весом, голубоглазый, с золотыми волосами... Я видел, как Пу И и Борис подолгу стояли в коридоре и говорили на английском. Оба нравились друг другу» [39, с. 294].

Как сотрудник НКВД Огородников был направлен на непродолжительное время в лагерь для военнопленных

в село Чернецы под Иваново, на тот самый легендарный объект 48, где содержалась армейская элита Германии, Венгрии, Италии и Японии. Здесь побывали даже родственники японского императора. И это было наиболее тревожное время для русских эмигрантов, вернувшихся из Маньчжурии, в том числе и переводчиков, удостоенных офицерских погон. И если бы не эти несколько лет, проведённых вдали от Хабаровска, кто знает, быть может, и Огородников разделит бы судьбу своих бывших земляков [22, с. 192–193]. Как следует из воспоминаний Г. Г. Пермякова, в это время были арестованы переводчики из Харбина Н. И. Касьян, А. И. Глазунов и Горохов (имя не установлено). Этот список можно продолжить. Тогда же были арестованы переводчики И. И. Гальперин, В. И. Горлинский, Б. С. Богданов, И. Г. Лернер. Все они были осуждены по различным пунктам статьи 58 УК РСФСР. В дальнейшем все были реабилитированы.

В октябре 1949 года Б. К. Огородникова назначают главным переводчиком в лагерь № 16, который славился тем, что собрал элиту Квантунской армии, связанную с разработкой диверсионной войны против СССР [29, с. 47]. Шла интенсивная работа по организации предстоящего судебного процесса в г. Хабаровске по делу 12 бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Б. К. Огородников принимал в нём участие в качестве переводчика [33, с. 235].

В начале 1950-х годов Борис Константинович стал работать диктором на хабаровском иновещании для стран Северной Америки под псевдонимом «Борис Новиков» [29, с. 57]. В эти годы центр самых востребованных переводчиков переместился из УВД и прочих специфических органов в редакцию радиовещания на зарубежные страны, хотя тесная связь с органами не прерывалась. Из Москвы с тогдашней техникой невозможно было вести качественные передачи на Японию, Корею, Америку. Кроме того, в Хабаровске не было проблемы с кадрами. Переводчики прибыли из Харбина. Занимались этим делом военные, была создана спецгруппа, которая и организовывала пропагандистскую кампанию на названные страны [48, с. 1–2]. Одновременно с работой на иновещании Борис Константинович преподавал английский язык в пединституте, правда, для этого пришлось, наконец, получить высшее образование, которого он до сих пор не имел. Блестящее знание английского языка позволило ему это сделать всего за один год.

В советских фильмах 1980-х годов Б. К. Огородников играл нехороших американцев. В остросюжетном боевике «Одинокое плавание» ему досталась роль сотрудника ЦРУ, вальяжно развалившегося в шезлонге и рассуждающего о противостоянии двух великих держав — США и СССР. Снимался в документальном фильме «Плен дракона», снятом в 1996 году московской студией «Рост-5» и ныне известном лишь специалистам. В этой киноленте он делится своими

⁶ Более подробные биографические данные см.: Дело Огородников Б. К. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 34470. Л. 1.

воспоминаниями о встречах с экс-императором марионеточного государства Маньчжоу-Го Айсингёро Пу И [22, с. 194].

В Хабаровске Бориса Константиновича знали многие, как и то, что он работал диктором, и относились к нему с большим уважением.

Огородников всегда мечтал выбраться из Хабаровска в очень большой город и не раз предпринимал такие попытки. Сын Огородникова, Олег, 27 февраля 2007 года писал В. В. Иванову-Ардашеву, что его отец посылал резюме в Москву, Ленинград, Ригу, Ташкент и ещё куда-то. Но не получалось. И только благодаря его очень хорошему другу и учителю, ведущему диктору Московского радио, последние 20 лет своей жизни он проработал его коллегой [22, с. 192]. Имя этого друга неизвестно, но можно предположить, что это был бывший харбинец В. М. Ким (в то время он работал в Москве в отделе радиовещания Гостелерадио СССР).

Вадим Васильевич Болховитинов⁷

Вадим Васильевич родился 18 ноября 1922 года в Харбине, в семье купца первой гильдии. Отец, Василий Васильевич Болховитинов, родился 26 декабря 1886 года в городе Царицыне, на Волге [6]. Окончил Саратовское среднетехническое училище по химическому отделению, а также математический факультет в Бельгии. Во время Первой мировой войны был призван на фронт с четвертого курса электротехнического института. Воевал на французском фронте, в русском отряде, попал в плен к немцам. По установлению мира с Германией вернулся во Францию.

В 1919 году с группой офицеров прибыл на Дальний Восток и окончил Читинское военное училище (бывшее Оренбургское). В 1920 году с белой армией прибыл в Маньчжурию, а затем с частями атамана Семёнова — в Харбин. Здесь В. В. Болховитинов вместе со своей семьёй поселился на улице Черногорской, дом № 6, квартира № 2 (район Модягоу). Живя в Харбине, глава семейства поддерживал приятельские отношения с генералом Воскресенским, бывшим инспектором артиллерии у атамана Семёнова.

В 1920–1931 годах Василий Васильевич служил на КВЖД в службе телеграфа надсмотрщиком и чертёжником. В 1931 году вышел на пенсию и стал работать преподавателем в СМУ, в электромеханической лаборатории, приват-доцентом. Одновременно преподавал радио на курсах Христианского союза молодых людей (ХСМЛ).

В 1929 году Вадим был отдан учиться в школу К. П. Чесноковой, а через полгода переведён в железнодорожное училище, затем — в Хорватскую гимназию. В 1933 году он перешёл в

гимназию ХСМЛ и окончил её в 1938-м. В этом же году Вадим поступил в коммерческий колледж ХСМЛ на коммерческое отделение английского и немецкого языков и окончил его в 1941-м. Из этого учебного заведения вышли и другие переводчики, которые в 1945 году прибыли в СССР. Среди них — Б. Плотников, Л. Пенжукова, И. Медведева [46, с. 2].

В январе 1942 года Болховитинов поступил на первый курс коммерческого факультета СМУ и в 1944-м окончил его со званием «Ниппон — драгоман второй степени».

В 1945 году с группой переводчиков Вадим прибыл в Советский Союз. Принимал участие в Хабаровском процессе над японскими военными преступниками — переводил допрос обвиняемого Кадзизука Рюдзи, который с 1939 года занимал должность начальника санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил работой отряда 731 [33, с. 44–48].

Фёдор Николаевич Сторожков⁸

Фёдор Николаевич родился 11 ноября 1920 года в Токио, в семье потомственного дворянина. Его отец, Николай Фёдорович [18], родился 16 ноября 1899 года в Санкт-Петербурге. В 1916 году он окончил Кадетскую роту и перешёл в гардемарины. В 1917-м был переведён во Владивосток и в ноябре ушёл на крейсере «Орёл» в заграничное плавание. В 1918 году, покинув крейсер в Гонконге, он уехал в Японию. В Токио Николай Сторожков служил при представительстве Главной артели при ликвидации военных заказов Русского императорского правительства в Японии. Служил в военно-российской агентуре г. Токио, в Русско-японском горнопромышленном обществе и учился в университете Кэйо (Токио). В 1932 году выехал в Харбин и с 1934-го служил переводчиком японского в Управлении Великого Харбина.

С трёхлетнего возраста Фёдор Сторожков был отдан на воспитание А. Д. Розвадовской (степень родства установить не удалось), которая проживала в г. Токио, и жил при ней и на её иждивении до 1939 года.

В 1928–1930 годах он обучался в Государственной народной школе г. Нагасаки. В 1930–1933 годах — в Государственной народной школе г. Хакато. В 1933–1938 годах — в Американской народной школе в г. Токио. В итоге Фёдор Николаевич в совершенстве овладел японским и английским языками.

В 1939 году Сторожков-младший прибывает из Японии в Харбин и сдаёт экстерном экзамены в гимназию имени М. А. Оксаковской. В 1940 году он поступает на политехнический факультет СМУ. Будучи студентом, Фёдор

⁷ Более подробные биографические данные см.: Дело Болховитинов В. В. // ГАХК Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5067. Л. 2, 3, 3 (об.), 9, 10, 14, 17.

⁸ Более подробные биографические данные см.: Дело Сторожков Ф. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45608. Л. 1, 4.

каждое лето приезжал на каникулы к своей воспитательнице А. Д. Розвадовской.

Известно, что Ф. Н. Сторожков принимал участие в Хабаровском судебном бактериологическом процессе — переводил допрос обвиняемого Курусима Юдзи, бывшего санитар-лаборанта филиала № 162 отряда 731 японской Квантунской армии [33, с. 83–85].

Евгений Васильевич Цвиров⁹

Евгений Васильевич родился 18 ноября 1921 года в посёлке Куанченцзы, в Китае. Отец, Василий Петрович Цвиров (1883 года рождения), окончил Харьковское ремесленное училище. Был старшим унтер-офицером. В 1904 году его зачислили на службу в 4-й Заамурский железнодорожный батальон. Был награждён золотой и серебряной медалями «За усердие» и бронзовой медалью «В память о войне 1904–1905 гг.». После увольнения из армии остался на КВЖД. В 1923 году оставил службу на железной дороге с пенсией 60 золотых рублей.

Своё образование Евгений начал получать в 1928 году в 9-м поселковом училище, которое окончил в 1932 году. В этом же году семья переехала в Харбин. Жили в Сунгарийском городке (ул. Зейско-Атаманская, д. 16, кв. 1).

1 сентября 1932 года Евгений поступает в 1-е Русское вышеначальное училище на Пристань и оканчивает его в июне 1935-го.

С 1 сентября он продолжает обучение в 1-й Правительственной гимназии для российских эмигрантов, учреждённой Управлением Биньцзянской провинции, которую окончил в 1937 году.

2 мая 1938 года Е. В. Цвиров поступает в Государственный университет Кенкоку Дайгаку в Синьцзине. В 1942 году из-за болезни он вынужден взять отпуск на весь учебный год и с начала 1943-го возобновить учёбу там же, на 5-м курсе. 1 декабря 1943 года Евгений Цвиров выдерживает государственный экзамен на звание драгомана особой степени японского языка.

18 июня 1944 года он сдаёт государственный экзамен на звание кандидата чиновников высшего разряда. И 19 июня, на следующий день, оканчивает политико-административный факультет Государственного университета Кенкоку Дайгаку. Евгений Цвиров был прикомандирован к Государственной палате г. Синьцзина как кандидат на звание чиновника высшего разряда.

26 июня он поступил в институт Датун (высшая школа, где готовили кадры будущих руководителей государства)

[2, с. 80], который окончил 29 сентября этого же года. После получения диплома Е. Цвирова назначают в СМУ г. Харбина преподавателем японского языка.

Харбинская пресса внимательно следила за успехами русских студентов. Так, газета «Заря» от 18 января 1942 года в статье «Приезд студентов из столицы» сообщает: «В Харбине проводят каникулы прибывшие из Синьцзина русские студенты Государственного университета “Кенкоку Дайгаку”, родители которых живут здесь. В числе их: Р. А. Северюков, С. А. Середкин, Е. В. Цвиров, А. П. Аболмасов, В. Н. Корнилов, В. Г. Щебеньков, В. Я. Лихачев, В. В. Чеусов.

Каникулы в Государственном университете продолжаются с 20 декабря по 25 января. До каникул были курсовые приемные экзамены.

На основной курс перешли пять студентов: А. П. Аболмасов, Н. П. Вторушин, В. Н. Корнилов, В. М. Петров и В. Г. Щебеньков. ... Студенты от своего каникулярного отпуска уделяют время для содействия Кио-Ва-Кай¹⁰ и Гл. Бюро эмигрантов в выпуске юбилейного сборника к 10-летию Манчжу-Ди-Го, занимаясь переводами с японского на русский язык ряда статей» [41, с. 9].

Газета «Время» от 19 октября 1944 года сообщала: «На днях в Харбин возвратились русские, окончившие Государственный университет «Кенкоку-Дайгаку» и институт «Да-Тун». В столице они получали подготовку на специальных курсах для кандидатов в государственные чиновники высшего разряда.

В. М. Петров, получивший назначение в Муданьцзян, Дуньмынское провинциальное управление, уехал к месту службы.

Новый сотрудник Центрального штаба Кио-Ва-Кай в Синьцзине Н. П. Вторушин прикомандирован к Биньцзянскому провинциальному штабу Кио-Ва-Кай и на днях приступает к исполнению своих обязанностей.

Б. Н. Корнилов, назначенный в Биньцзянское провинциальное управление, и В. Г. Щебеньков, новый чиновник харбинского городского управления, — зачислены на службу с 20 октября.

А. П. Аболмасов и Е. В. Цвиров уже приступили к своей работе в качестве лекторов Северо-Маньчжурского университета» [20, л. 16].

После окончания войны с Японией Евгения Васильевича приглашают работать в Советский Союз, и он приезжает в г. Хабаровск. Здесь Цвиров получает назначение в качестве переводчика на спецобъект № 45.

⁹ Более подробные биографические данные см.: Дело Цвиров Е. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 51292. Л. 1.

¹⁰ Неофашистская организация «Кио-Ва-Кай» — общество единения народов Маньчжурской империи, было создано 25 июля 1932 г. в г. Синьцзине спустя несколько месяцев после образования Маньчжоу-Го. Официально общественная, но по своей сути государственная организация «Кио-Ва-Кай» была образована японцами с целью упрочения их военной и политической власти в Маньчжурии.

Е. В. Цвилов принимал участие в Хабаровском процессе над японскими военными преступниками — переводил допрос обвиняемого Ямада Отозоо, который с 1944 года по день капитуляции японской Квантунской армии был главнокомандующим и руководил деятельностью специальных отрядов №№ 731 и 100 [33, с. 37–43].

Согласно воспоминаниям Г. Г. Пермякова, в дальнейшем Е. В. Цвилов стал помощником министра рыбной промышленности в Москве.

Алексей Пантелеймонович Катков¹¹

Фотография из семейного архива Кондрашевых.
Ю. М. Кондрашев и А. П. Катков (справа).

Алексей Катков родился 30 марта 1926 года в Харбине, в семье потомственного дворянина. Его отец, Пантелеймон Александрович, родился 27 июля 1892 года в г. Тюкалинске Тобольской губернии. Известно имя матери — Мария Михайловна Каткова (Ильницкая).

Отец окончил Саратовское военное училище, был направлен на Русско-германскую войну, в 139-й пехотный полк, младшим офицером.

В 1918 году его назначили заведующим хозяйственной частью в Тобольском пехотном полку. После его расформирования был переведён в Иркутский пехотный полк и оттуда откомандирован в Никольск-Уссурийскую часть, где пробыл до эвакуации 1922 года. Воевал в белой армии, в звании штабс-капитана. В августе 1922 года из Приморья через Гириу прибыл в Харбин и поселился по адресу: улица Конная, дом 69, квартира 8. Зарабатывал на жизнь в пекарне И. Г. Мезина.

В 1935 году Алексей поступает в 1-е Харбинское русское реальное училище (ХРРУ). В 1937 году учится в повышенной народной школе, которую окончил в 1938-м. В годы учёбы

Алексей вступает в организацию русских скаутов, из которой вышел в 1941-м из-за недостатка времени. В 1939 году он учится в 4-й Высшей народной школе (ВНШ) Бюро по делам русских эмигрантов, которую оканчивает в 1942-м.

В 1943 году А. П. Катков поступает на коммерческий факультет СМУ, на политехническом факультете которого уже учится его брат Александр [26, с. 76].

В своей повести «Снился мне город» Алексей Пантелеймонович приводит обстоятельства, при которых его и других переводчиков пригласили работать в Советский Союз: «...В университете появился майор госбезопасности. Позже мы узнали его фамилию — Язев. Он отбирал ребят для работы в качестве переводчиков японского языка. Укомплектовал несколько групп будущих переводчиков, в одну из которых попал и я, майор отправил всех специальным вагоном, с обеих сторон которого стояли вооружённые пограничники, в Хабаровск. Так мы без хлопот и с комфортом прибыли на свою Родину. Проезд по железной дороге был крайне затруднен. К нам в вагон ломились многие, но солдатики никого не пропускали. С удивлением смотрел я на пейзаж, когда мы пересекали границу: вот Китай, а вот — Россия. А за окном всё те же берёзки, полынь, лебеда, крапива, подорожник, так же в поисках пищи чирикают воробьи... В Гродеково под окнами вагона толпились люди и просили хлеба. Не пойму, почему это не трогало. В Хабаровске нас привели в столовую НКВД и накормили такими избыточно жирными щами с мясом, каких в Харбине мы давно не едали. И разместили нас в небольшой гостинице НКВД на улице Знаменщикова. Утром посмотрели, а перед нами не оставляющие сомнения окна тюрьмы. Вот смеху было, правда, с горчинкой» [26, с. 42–45].

Как сотрудник НКВД после краткой служебной подготовки в Хабаровске А. П. Катков был направлен в органы НКВД на Южный Сахалин, где тогда ещё обитали японцы, в качестве переводчика. Пять лет совместно со своими коллегами-переводчиками из Харбина пробыл он на острове. Вместе с ним работали Н. Вторушин [7], его жена Виктория и А. Протасов. В письме к Г. Г. Пермякову от 26 марта 1986 года он пишет: «...я там работал с губернатором Ооцу Тосие, с миллионером-лесопромышленником Эндо Макота и другими, оба окончили Оксфорд, но вряд ли были нашими друзьями, хотя держались корректно»¹².

Тёплые дружеские отношения связывали А. П. Каткова с Георгием Георгиевичем. В своей книге «Снился мне город» Алексей Пантелеймонович подчёркивал: «...есть в моей жизни "личность", определившая меня "в человеки". Это — Г. Г. Пермяков» [26, с. 91]. Далее он с теплотой вспоминает:

¹¹ Более подробные биографические данные см.: Дело Катков А. П. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19792. Л. 1–10.

¹² Это письмо хранится в архиве дочери Г. Г. Пермякова, А. Г. Сумской.

«...если бы не курсы Пермякова, перед отправкой на Сахалин, не знаю, как бы применил свои разрозненные знания» [26, с. 92]. В письме к Пермякову от 6 мая 2001 года Катков пишет: «Двадцать раз ездил в Японию и всегда вспоминал, как ты нас, дураков, за один месяц поставил “на рельсы”»¹³. В своей книге «Снился мне город» он уточняет: «...Не всякий, кто учит, может быть учителем. Но Пермяков стал для меня таковым на всю жизнь. Хотя я частично относился к нему весьма критически. Почему? Мне казалось, что он обязан занять в Хабаровске какое-то ведущее административное положение, быть председателем творческого союза любого направления. Это могло быть филологией, литературой, географией — да очень многим. Таланты Пермякова неизмеримы» [26, с. 92].

В 1951 году А. П. Катков поступает в Хабаровский педагогический институт на отделение физического воспитания, так же как и его друг, харбинский переводчик Юрий Кондрашов. В дальнейшем Алексей Катков стал профессором кафедры физического воспитания и спорта Дальневосточного государственного университета путей сообщения, взрастившей сотни спортсменов-легкоатлетов. Особой гордостью Каткова был Александр Барышников — бронзовый призёр Олимпиады 1976 года в Монреале [47, с. 1].

Борис Никифорович Корнилов¹⁴

Борис Никифорович родился 30 декабря 1920 года на станции Пограничной (ст. Гродеково на КВЖД) [11]. Его отец, Никифор Афанасьевич, дворянин, родился 8 марта 1894 года в г. Елабуге Вятской губернии. В 1915 году окончил 4-ю Петергофскую школу прапорщиков и подготовительные курсы для младшего офицера при штабе Второй армии в г. Несвиже (ныне — Республика Беларусь). После Октябрьской революции 1917 года служил в рядах 8-й Камской дивизии у адмирала Колчака — командовал пехотной ротой в звании подполковника. Награждён орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени, орденом «За Великий Сибирский поход».

В 1923 году семья Корниловых прибыла через Гирин в Маньчжурию. В Харбине проживали по адресу: район Частный затон, улица Шун Жи Цзе, 39. Отец служил в Речном участке департамента полиции г. Харбина.

Борис начал своё обучение в восемь лет. С 1928 по 1935 год учился в 3-й Начальной школе г. Харбина. В 1935 году поступает в Правительственную гимназию г. Харбина, которую окончил в 1937-м. На следующий год поступает

на коммерческий факультет СМУ г. Харбина. 23 января 1939 года приезжает в Синьцзинь, где поступает в Государственный университет Кенкоку Дайгаку.

С группой переводчиков Б. Н. Корнилов прибыл в Советский Союз и принимал участие в Хабаровском военном процессе — переводил допрос обвиняемого Сато Сюдзи, который с 1941 по 1943 год являлся начальником отрядов «Нами» и «Эй», а с 1944-го был начальником санитарной службы 5-й армии, входящей в состав японской Квантунской армии, руководил деятельностью филиала № 643 отряда 731 [33, с. 72–73].

Анатолий Николаевич Протасов¹⁵

Анатолий Протасов родился 1 апреля 1924 года в г. Харбине [16]. Его отец, Николай Захарович [17], был родом из Рязанской губернии, работал машинистом в пароходстве Мантецу. Мать — Татьяна Фёдоровна Протасова. Проживали в Харбине по адресу: Частный затон, улица Дян-Пин, 35.

В 1912–1914 годах Николай Захарович проходил машинную школу ВМФ в крепости Кронштадт, которую окончил унтер-офицером. В 1915 году его переводят с Балтики в Амурскую речную флотилию. 8 февраля 1918 года большевики ставят флот на вольнонаёмное начало, и он переходит на сторону красных. Как следует из его характеристики, данной БРЭМ, Н. З. Протасов занимает должность «товарищ председателя Совдепа», член крайкома, вместе с Губельманом¹⁶, Краснощёковым¹⁷ и другими. Военный комиссар Протасов — организатор Красной Армии и начальник лагеря военнопленных на Красной Речке (пригород Хабаровска), в котором 25 000 человек. Однако в 1920 году он вместе с белой армией перебирается из Хабаровска в Харбин, где вступает в русскую фашистскую партию (РФП). В 1933 году он был исключён из её рядов за расшатывание рядов партии, за ряд противофашистских выступлений.

Отец Анатолия был личностью неординарной. Он обладал сильным и независимым характером. Николай Захарович всегда имел своё мнение независимо от политической обстановки. Вот как о нём написал в деле БРЭМ неизвестный информатор: «...Николай Захарович ярче показывает свою физиономию и открыто выступает против фашистской партии и ее руководителей, особенно

¹⁵ Более подробные биографические данные см.: Дело Протасов А. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 39215. Л. 1, 7, 13.

¹⁶ М. И. Губельман (1883–1968) — революционер, публицист, партийный и профсоюзный деятель, член Общества политкаторжан. Член РСДРП с 1902 г. Входил в состав Дальбюро ЦК РКП(б). Член Военного совета Дальневосточной Республики, который возглавлял В. К. Блюхер. Член правительства ДВР.

¹⁷ А. М. Краснощёков (1880–1937) — член Дальбюро ЦК РКП(б) (1920–1921), председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной Республики.

¹³ Это письмо хранится в архиве дочери Г. Г. Пермякова, А. Г. Сумской.

¹⁴ Более подробные биографические данные см.: Дело Корнилов Б. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22891. Л. 1–10.

в данный момент. 28 января (1934) превзошел все рамки. Когда соратница-сборщица пришла в его дом, по сбору продуктов для чашки чая, устраиваемой судоходцами, по случаю открытия отделения Русского клуба и поднятию Национального флага, Протасов с апломбом и наглостью заявил, что фашисты везде и всюду разрушают и срывают общественную работу. Выявил себя сторонником советчиков, заявляя, что советчики куда лучше эмигрантов. О подъеме же флага над зданием клуба нагло заявил, что он может повесить флаг и это стоить ничего не будет, а вы устраиваете молебны, чтобы пожрать. ...Работа Протасова явно направлена против партии и ее руководителей» [17].

Анатолий унаследовал от отца сильный и волевой характер, что в дальнейшем помогло ему добиться значительных успехов в жизни, в спорте.

В 1935 году он окончил начальную школу. В 1937-м — вышеначальное училище¹⁸, в 1940-м — Высшую народную школу.

В 1941 году он поступил на политехнический факультет СМУ и в том же году перешёл в Харбинский медицинский институт.

Военную подготовку проходил в гимназии, в СМУ (один год) и в медицинском институте.

Участвовал в общественной работе Кио-Ва-Кай, Тонари-гуми¹⁹, молодёжных кружках.

С группой переводчиков А. Н. Протасов прибыл в Советский Союз. Вместе с ним приехала его жена, переводчик японского языка Татьяна Николаевна Кукс. Анатолий Николаевич начал служить в Хабаровске и бывал в командировках на Сахалине. Принимал участие в Хабаровском процессе — переводил допрос обвиняемого Такахаси Такацу, бывшего начальника ветеринарной службы японской армии, химика-биолога, генерал-лейтенанта [33, с. 48–53].

С юношеских лет Анатолий Николаевич увлекался спортом. А. П. Катков вспоминал о нём так: «...Толя Протасов из “правилки” [Первая правительственная гимназия] никому не проигрывал стометровку» [26, с. 45]. Это увлечение спортом предопределило его дальнейшую судьбу. В 1946 году Анатолий Протасов стал победителем чемпионата Хабаровского края в беге на 100 метров. Через год на этой же дистанции выиграл чемпионат России. Затем занимался прыжками в длину, установил несколько краевых рекордов. Он стоял у истоков первой в крае спортивной школы по лёгкой атлетике — ДЮСШ № 3, в которой работал директором. Был заслуженным тренером СССР. Подготовил 21 мастера спорта, в том числе 6 мастеров спорта международного класса.

¹⁸ Система среднего образования в начале 1940-х гг. в Маньчжоу-Го была многоступенчатой. 1-я ступень — начальная школа (4 класса), 2-я ступень — вышеначальное училище (3 класса), 3-я — гимназия (4 класса).

¹⁹ Тонари-гуми — общество соседской взаимопомощи, общественная организация государства Маньчжоу-Го.

Деятельность Анатолия Николаевича Протасова была многогранной. После выхода на заслуженный отдых он посвятил себя преподаванию японского языка, подготовке учебных пособий, занимался переводами.

Святослав Витальевич Неверов²⁰

Святослав Неверов родился 5 февраля 1924 года в г. Харбине. Его отец, Виталий Тимофеевич, работал бухгалтером оптовых складов, а также бухгалтером в обществе автобусов. Семья проживала в Харбине по адресам: улица Казачья, дом 43, квартира 7, затем — район Чинхе, улица Чеховская, дом 16 [12].

В 1932–1935 годах Святослав начал своё образование в 5-й городской школе. После поступил в вышеначальное училище, что на Артиллерийской улице, окончил его в декабре 1937 года. Потом было обучение в 1-й Правительственной гимназии (1937–1939 гг.) и на коммерческом факультете СМУ, который окончил в 1942 году, получив специальность «конторщик, кандидат коммерческих наук». Затем поступил на работу в университет в качестве преподавателя японского языка.

22 ноября 1942 года получил должность чиновника в государственно-коммерческо-промышленном кооперативном банке.

После окончания войны с Японией С. В. Неверов с группой переводчиков прибыл в Советский Союз (1945 г.) и получил назначение на спецобъект № 45, где проработал непродолжительное время.

Как переводчик принимал участие в Токийском процессе. 17 сентября 1946 года в Токио доставили троих свидетелей из числа японских военнопленных: бывшего начальника железнодорожных перевозок Квантунской армии генерал-лейтенанта Кусаба Тацуми, бывшего служащего штаба Квантунской армии подполковника Сэдзима Рюдзоо, бывшего заместителя начальника штаба Квантунской армии генерал-майора Мацумура Томокацу. Они дали согласие помочь советскому обвинению и своё слово сдержали [42]. В этой группе, по воспоминаниям Г. Г. Пермякова, переводчиком был С. В. Неверов.

Осенью 1946 года Святослава Витальевича перевели в Красногорский лагерь № 27 (Подмосковье).

О том, как сложилась его дальнейшая судьба, удалось узнать из некролога, опубликованного в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (№ 5 за 1991 г.): «К любимой работе — преподаванию японского языка ему удалось вернуться в ноябре 1948 года на кафедре японского языка Московского института востоковедения».

²⁰ Более подробные биографические данные см.: Дело Неверов С. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 32992. Л. 1, 4, 15.

дения, которой руководил академик Н. И. Конрад. В 1951 году Святослав Витальевич окончил экстерном японское отделение этого института. С 1954 года и до последних дней он продолжал преподавательскую работу в МГИМО МИД СССР. Защитил кандидатскую диссертацию, посвященную иноязычным заимствованиям в японском языке, а затем докторскую «Основы культуры речи современной Японии» (1975). Еще до защиты докторской диссертации, в 1972 году — Святослав Витальевич был удостоен Государственной премии за участие в составлении двухтомного «Большого японо-русского словаря» (1970). Святослав Витальевич не замыкался в сфере чисто научных исследований, он продолжал активную переводческую работу, в том числе в качестве синхронного переводчика на высшем уровне» [34].

Один из переводчиков-харбинцев — Алексей Катков, вспоминал: «В послевоенные годы наша страна нуждалась в квалифицированных переводчиках, но их не было. На выручку были приглашены харбинцы, не очень подготовленные к практической работе. Среди них были и крупные специалисты, посвятившие жизнь языку. Это известные в крае Н. Вторушин, Г. Пермяков и быстро затребованный Москвой С. Неверов» [25]. Тепло и с уважением А. П. Катков отзывался о С. В. Неверове: «Мне кажется, что из всех бывших эмигрантов именно Слава в науке добился большего успеха» [26, с. 42].

В своей книге «Снился мне город» Катков так написал о его кончине: «Смерть Святослава Витальевича Неверова в Москве, 14 июня 1991 г., после тяжелой операции, была ударом для всех, кто знал этого скромного, всегда внимательного человека. Ведь ему было только 67 лет» [26, с. 42].

Юрий Михайлович Кондрашев²¹

Юрий Кондрашев родился 15 января 1926 года в г. Харбине. Его отец, Михаил Степанович [9], родился 19 декабря 1894 года в г. Благовещенске. В 1914 году был призван в 3-ю роту Заамурского железнодорожного учебного батальона. Далее был назначен на станцию КВЖД рядовым.

До службы в 1912–1913 годах Михаил Степанович ходил на пароходе «Геркулес» помощником капитана. В Харбине он управляет делами своего брата Ефима, который уехал в Америку, в Сан-Франциско. Проживал по улице Биржевой, дом 104, квартира 2.

В 1933–1936 годах Юрий Михайлович обучался в Харбинском общественном коммерческом училище. В

1936–1939 годах — в 1-м реальном училище г. Харбина. После — в Харбинской русской школе языкознания, которую окончил в 1942 году.

В 1942–1945 годах обучался на политехническом факультете, а затем на коммерческом отделении СМУ.

Свидетельство об окончании Харбинской русской школы языкознания.

В 1945 году с группой переводчиков прибыл в Советский Союз через станцию Пограничную, на спецобъект № 45, где Г. Г. Пермяков «подтягивал» прибывшим переводчикам японский язык. По воспоминаниям его дочери Л. Ю. Фёдоровой, Юрий Михайлович служил в лагере № 16. В основном занимался письменными переводами различных документов с японского языка, так как было много бумаг, которые были присланы из Москвы и Токио.

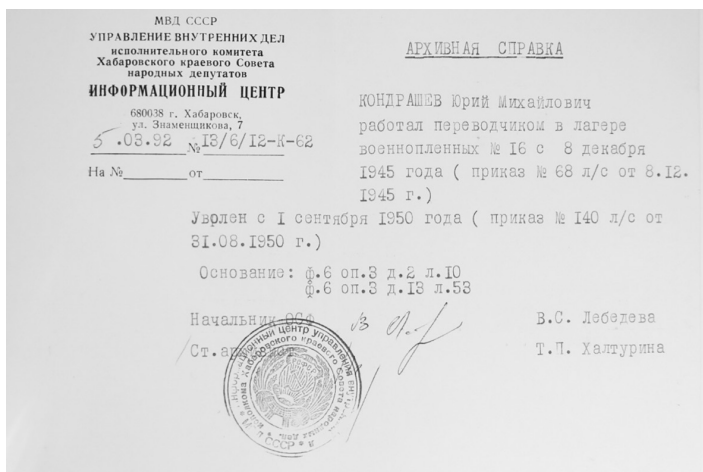

Свидетельство Северо-Маньчжурского университета.

После увольнения из органов МВД СССР в 1950 году Юрий Михайлович поступил в Хабаровский педагогический институт по направлению «физическое воспитание, анатомия и физиология человека». Учёбу в вузе он окончил с отличием, ему была присвоена специальность «учитель средней школы». Преподавал физкультуру в хабаровской школе № 56, в которой некоторое время проживал со всей своей семьёй. Работал в школах №№ 29 и 71.

Долгие годы преподавал физкультуру в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ныне

²¹ По паспорту Кондрашев. В некоторых источниках встречается Кондрашов. Более подробные биографические данные см.: Дело Кондрашев Ю. М. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22368. Л. 1, 18, 24.

Справка из информационного центра.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения), где заведующим кафедрой физического воспитания был его харбинский друг А. П. Катков.

Виктор Макарович Ким

Виктор Макарович родился 23 декабря 1926 года в г. Владивостоке. В Харбин попал с родителями в годовалом возрасте. Отец поступил работать на КВЖД, на станцию Яомынь. В то время там не было русской школы, и Виктор стал учиться в японской, что дало ему возможность овладеть японским языком в совершенстве. Среднее образование после соответствующей подготовки он получил в Харбине. В 1941 году поступил в Харбинскую школу языкознания, в 1944-м стал студентом СМУ.

Когда после капитуляции Японии университет был закрыт, Виктор Ким был востребован как переводчик — вначале при разных организациях Красной Армии в Харбине, а затем выехал в СССР для работы в лагерях для японских военнопленных (проработал до 1951 г.). Здесь он встретился с Клавдией Георгиевной Димовой, тоже выпускницей школы языкознания и переводчицей японского языка. В 1947 году они соединили свои судьбы.

В. М. Ким принимал участие в Хабаровском бактериологическом процессе в качестве переводчика.

С 1952 по 1957 год работал референтом в Хабаровском краевом отделении ТАСС, затем в Хабаровской редакции радиовещания. С 1970 года как специалист высокой категории он был переведён в Москву, в отдел радиовещания Гостелерадио СССР [43, с. 7].

В 1950 году ГУПВИ стали сокращать — японцы возвращались на родину. В органах МВД остались единицы из числа тех харбинских переводчиков, кто когда-то вернулся в СССР [40]. Другие вернулись к своим прежним пристрастиям, как, например, Анатолий Протасов — известный спортсмен. Н. Вторушин, служивший переводчиком на Сахалине, работал в Хабаровском краевом отделении ТАСС [48], стал членом Союза журналистов СССР. В. Ким был диктором на иновещании и, по мнению заместителя руководителя Хабаровской службы иновещания Л. Панченко, в то время Виктор Макарович был номером один среди тогдашних комментаторов на иновещании. Вполне понятно, что спустя годы он принимал участие в переговорах президента России Б. Ельцина и премьер-министра Японии [40]. Кому-то удалось найти место в Москве, иные растворились в десятках сторонних профессий. И неудивительно, ведь большинство молодых харбинцев, вернувшихся в Россию, стали профессиональными японистами волею случая. Да ещё благодаря военно-политической обстановке. Именно она привела к тому, что по числу знатоков японского на душу населения Хабаровск даже превзошёл столицу. По мнению самих харбинцев, он стал чуть ли не самым «японизированным» городом СССР. Таким северным филиалом Страны восходящего солнца.

Впрочем, иные знатоки истории современности не склонны преувеличивать роль харбинцев в развитии японского языка на Дальнем Востоке: их деятельность была слишком мимолётна и специфична... И всё-таки одно можно сказать наверняка: ярких звёзд в той обойме было более чем достаточно. И пусть не глобальный, но частный интерес они, их судьба, бесспорно, представляют [40].

Список использованных источников

1. Бобин, О. Осколок Российской империи / О. Бобин // Родина. — 1995. — № 2. — С. 29–36.
2. Великая Маньчжурская Империя : к десятилетнему юбилею (1932–1942) — Харбин : изд. Гос. органа Кио-ва-кай и Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. — 416 с.
3. В Государственном университете // Заря. — 1941. — 13 окт. (276). — С. 3.
4. Воспоминания о Северо-Маньчжурском университете и Коммерческом институте // Политехник. — Сидней, 1979. — № 10. — С. 33–35.
5. Дело Болховитинов В. В. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5067. Л. 2, 3, 3 (об.), 9, 10, 14, 17.
6. Дело Болховитинов В. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5068. Л. 1, 2 (об.), 4–7.
7. Дело Вторушин Н. П. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8956. Л. 1–3.
8. Дело Катков А. П. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19792. Л. 1–10.
9. Дело Кондрашев М. С. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22364. Л. 2, 7, 12, 15.
10. Дело Кондрашев Ю. М. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22368. Л. 1, 18, 24.

11. Дело Корнилов Б. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 22891. Л. 1–10.
12. Дело Неверов С. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 32992. Л. 1, 4, 15.
13. Дело Огородников Б. К. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 34470. Л. 1.
14. Дело Пермяков Г. Г. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 36344. Л. 34, 43.
15. Дело Пермяков Г. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 36345. Л. 1, 7, 8.
16. Дело Протасов А. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 39215. Л. 1, 7, 13.
17. Дело Протасов Н. З. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 39218. Л. 1.
18. Дело Сторожков Н. Ф. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45607. Л. 1, 4.
19. Дело Сторожков Ф. Н. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45608. Л. 1.
20. Дело Цвилов Е. В. // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 51292. Л. 1, 16.
21. Докладная записка начальника Управления НКВД по Хабаровскому краю. // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 2914, прил. 1.
22. Иванов-Ардашев, В. В. И останется слово / В. В. Иванов-Ардашев. — Хабаровск : Дал. Вост., 2017. — 208 с.
23. Иванов-Ардашев, В. В. Судьба переводчика : (о тех, кто вернулся с чужбины) / В. В. Иванов-Ардашев // Вестн. Приамур. ист.-родовед. о-ва / Хабар. краевед. музей им. Гродекова. — 2009. — № 2. — С. 34–39.
24. Катков, А. П. Альма-Матер — Харбинский политехнический / А. П. Катков // Тихоокеан. звезда. — 1996. — 23 июля (№ 144). — С. 3.
25. Катков, А. П. Вспоминаю страну Хайку / А. П. Катков // Тихоокеан. звезда. — 2001. — 6 апр. (64). — С. 7.
26. Катков, А. П. Снился мне город : повесть, воспоминания / А. П. Катков. — Хабаровск : ДВГУПС, 2007. — 119 с.
27. Кио-ва-кай // ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 13. Л. 21–23, 51.
28. Кио-ва-кай // ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 14. Л. 5.
29. Константинов, Г. Д. Последний император Китая в СССР / Г. Д. Константинов. — Хабаровск, 2011. — 404 с.
30. Кузьминых, А. Л. Система ГУПВИ НКВД — МВД СССР : (генезис, эволюция, распад (1939–1953) [Электронный ресурс] / А. Л. Кузьминых // Бесплатная электронная библиотека — Научные публикации. — Режим доступа: <http://os.x-pdf.ru/20raznoe/452342-1-a-kuzminih-sistema-gupvi-nkvd-mvd-sssr-genezis-evolyuciya-rasp.php>.
31. Кузьмина, М. Плен. Японские военнопленные в Хабаровском крае / М. Кузьмина. — Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ин-та, 1996. — 156 с.
32. Лавренцов, А. П. Пять лет из жизни последнего императора / А. П. Лавренцов // Тихоокеан. звезда. — 1997. — 13 февр. (№ 28). — С. 3.
33. Материалы судебного процесса по делу бывших военнотружущих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. — Москва : Политиздат, 1950. — 538 с.
34. Неверов С. В. 1924–1991 : [некролог] // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 5. — С. 182–183.
35. Никитин, В. Апокалипсис огненной эпохи. Трибуналы в Токио и Хабаровске (1946–1948, 1949 годы) / В. Никитин // Приамур. ведомости. — 2010. — 1 сент. (№ 129). — С. 5.
36. Пасынков, И. Н. Жизнь, отданная людям / И. Н. Пасынков // На сопках Маньчжурии. — 2008. — № 147 (нояб.). — С. 2.
37. Пермяков, Г. Г. Голгофа русича / Г. Г. Пермяков // Дальневост. ученый. — 2003. — 14 нояб. (21).
38. Пермяков, Г. Г. Тайная миссия «царь-группы» / Г. Г. Пермяков // Тихоокеан. звезда. — 2001. — 1 июня (№ 100). — С. 6.
39. Пермяков, Г. Г. Император Пуи. Пять лет вместе / Г. Г. Пермяков // Рубеж. — 2003. — № 4. — С. 279–308.
40. Позднеева, С. В. Иногда Хабаровск становится частью Японии / С. В. Позднеева // Тихоокеан. звезда. — 2000. — 26 февр. (№ 38). — С. 2.
41. Приезд студентов из столицы // Заря. — 1942. — 18 янв. (№ 14). — С. 9.
42. Руднев, В. Японские военнопленные на стороне советского обвинения (неизвестные страницы Токийского процесса) / В. Руднев, А. Иллеш // Известия. — 1993. — 29 мая (№ 100).
43. Смирнов, Г. Немного о прошлом / Г. Смирнов // На сопках Маньчжурии. — 2009. — № 150 (февр.). — С. 6.
44. Сутулов, В. А. Нашим офицерам и солдатам китайцы бурно аплодируют / В. А. Сутулов // Воен.-ист. журн. — 1996. — № 1. — С. 17–21.
45. Таскина, Е. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40–50-х годов 20 века / Е. Таскина, И. Мухин // Проблемы Дал. Вост. — 2009. — № 2. — С. 91–100.
46. Таскина, Е. Колледж ХСМЛ (к 80-летию основания) / Е. Таскина // На сопках Маньчжурии. — 2010. — № 163 (авг.-сент.). — С. 2.
47. Утренний звонок А. Каткову // Тихоокеан. звезда. — 1996. — 30 марта (№ 66). — С. 1.
48. Шабанов, А. Я лично посадил японского принца в русскую ракету / А. Шабанов // Тихоокеан. звезда. — 1996. — 13 апр. (№ 76). — С. 1–2.
49. Чернявский, А. Капитуляцию неприятелю объявила женщина / А. Чернявский // Тихоокеан. звезда. — 2007. — 31 авг. (№ 165).
50. Чеусов, В. В. Три жизни Севы Чеусова / В. В. Чеусов // На сопках Маньчжурии. — 1999. — № 62 (март). — С. 5.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 18.12.2018 г.

Сведения об авторе: Плискина Валентина Николаевна, член клуба «Краевед» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: valentinapliiskina@mail.ru; тел. 8-914-156-65-02.